

НЕКРОМАНТ

18+

ЕРАСОВ АЛЕКСАНДР

Александр Ерасов

Некромант

«Автор»

2026

Ерасов А.

Некромант / А. Ерасов — «Автор», 2026

В глухой деревушке Кроуторн, затерянной среди лесов и холмов, живут люди, которые не любят чужаков, не задают лишних вопросов и стараются не вспоминать прошлое. Но у прошлого свои планы. Когда в деревне появляется незнакомец без воспоминаний, он ещё не знает, что это место — часть его собственной истории. Его тянет к старой церкви, тревожит запах из подвала, а по ночам ему слышится шёпот. Есть деревни, куда не ведут дороги. Есть голоса, которые не умолкают. Есть книги, которые лучше не открывать.

© Ерасов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Чарнвудский лес	5
Глава 2 Возвращение	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Некромант

Глава 1 Чарнвудский лес

День угасал, и вместе с ним угасала последняя надежда на хорошую погоду. Артур Мейсон вышел из города, когда колокола на башне Святой Анны уже отбивали вечерню, а булыжники мостовой блестели от измороси, похожей на пот, выступивший на лбу умирающего. Он ускорил шаг, сам не зная почему. Весь день его грызла какая-то смутная тревога, которую он списывал на усталость и неудачную сделку: аптекарь заломил несусветную цену за селитру, а библиотекарь, у которого он надеялся переписать недостающую страницу трактата, вовсе не явился на службу, сказавшись больным. В итоге Артур возвращался домой с пустой сумой, но с тяжестью на сердце, которая была куда увесистее любого груза. У городских ворот он остановился и бросил взгляд назад. Бирмингем курился трубами, гудел, ворчал, переливался огнями — чужой, равнодушный мир, в котором он всегда чувствовал себя гостем, а не жителем. Настоящая его жизнь лежала впереди, за полосой Чарнвудского леса, в маленькой деревушке под названием Кроуторн, где ждал его сын Эдвард и ветхий дом на окраине. Где его ждала Она — книга, спрятанная в сундуке под половицей у очага. Он не знал, что книга больше не ждёт его. Он не знал, что, пока он торговался и мерил шагами пыльные библиотечные залы, беда уже просочилась в его жилище, как сырость просачивается в плохо сложенную могилу. Артур поправил воротник плаща и шагнул под сень леса.

Чарнвудский лес был стар. Те, кто жили в этих краях, верили — или делали вид, что верят, — будто в его чащобах до сих пор обитают духи, которых не изгнали ни христианские молитвы, ни топоры дровосеков. Здесь росли дубы, помнившие ещё римские легионы; тисы, чьи стволы были толщиной с башню; грабы, сплетавшие ветви так плотно, что даже в полдень под ними царил зеленоватый полумрак. Земля была устлана мхом, папоротником и гниющими стволами упавших деревьев, которые медленно, десятилетиями, возвращались в почву. Воздух пах прелью, грибами и чем-то сладковатым — так пахнет запустение. Тропа, ведущая к Кроуторну, была узкой, извилистой, вся в корнях и рытвинах. Днём по ней ещё можно было пройти без труда, но с наступлением сумерек она превращалась в полосу препятствий. Артур знал здесь каждый камень, каждый поворот — он исходил эту дорогу сотни раз, то направляясь в город за припасами, то возвращаясь домой с очередным фолиантом под мышкой. Но сегодня что-то было иначе. Сегодня лес казался ему чужим. Настороженным. Словно деревья прислушивались к его шагам, затаив дыхание. Он шёл, и эхо его шагов разносилось между стволами, множась и искажаясь. Ветви цеплялись за плащ с необычайной настойчивостью. Где-то в глубине чащи ухнула сова и тут же смолкла, будто ей зажали клюв. Туман, поднявшийся из низин, стелился над землёй, доходя до колен, и в этом тумане очертания знакомых предметов становились зыбкими, неверными. Вот здесь, у трухлявого пня, они с Эдвардом прошлым летом собирали опята. Вот тут мальчик упал и рассадил коленку, и Артур нёс его на руках до самого дома, нащёптывая глупые утешения. Воспоминания эти, обычно тёплые, сегодня отдавались в груди глухой болью.

«Что со мной? — подумал он, останавливаясь перевести дух. — Почему я боюсь?». Ответа не было. Только лес шумел в вышине, перебирая голыми ветвями, словно старик — чётками. Артур ускорил шаг. До деревни оставалось не больше мили.

Пока Артур месил грязь лесной тропы, в Кроуторне разворачивались события, которые должны были решить его судьбу. Всё началось с того, что старая Марта не могла уснуть. С тех пор как её сын Томми умер от лихорадки — было это два месяца назад, вскоре после Михайлова дня, — старуха потеряла покой. Днём она ещё кое-как держалась, выполняя нехитрую работу по дому, но ночью, когда тишина обволакивала деревню, в её голову лезли мысли —

чёрные, липкие, отравленные горем. Ей казалось, что Томми зовёт её. Что он не умер, а только уснул и никак не может проснуться. Что нужно лишь найти способ — и он вернётся. В тот вечер она сидела у окна, кутаясь в шаль, и смотрела на дом Артура Мейсона, стоявший на отшибе, у самой кромки леса. Дом был старый, приземистый, с покосившейся трубой и просевшей крышей. Артур жил в нём уже много лет — сначала с женой, которая умерла при родах, произведя на свет мальчика; потом один, с сыном и книгами. Марта никогда не доверяла этому человеку. Слишком тихий. Слишком учёный. Слишком много времени проводит за чтением фолиантов, от которых, как она слышала краем уха, пахнет серой и тленом. И вот теперь, когда её Томми лежал в земле, а этот выродок всё ещё ходил по земле, — что-то в душе старухи надломилось окончательно.

Она видела, как утром Артур ушёл в город. Видела, как он запер дверь и спрятал ключ под камнем у порога. И тогда, движимая не то любопытством, не то ненавистью, не то тем особым чутьём, какое бывает у людей, ослеплённых горем, она решилась. Дверь поддавалась легко. Внутри было темно и пахло сухими травами, старым воском и ещё чем-то — тонким, металлическим, как запах крови. Марта, шаря руками по стенам, пробралась к очагу. Она знала, что прячут в таких домах, — сама когда-то, в молодости, прятала от мужа монеты и любовные письма. Половица у очага отошла без труда, явив взору старый дубовый сундук, обитый железными полосами. Замок был хлипким — простой засов, который поддался под натиском кочерги с одного удара. И тогда она увидела Её. Книга была огромной — в две ладони шириной и в локоть длиной. Переплёт из потемневшей свиной кожи, грубой, шершавой на ощупь. Медные застёжки, позеленевшие от времени, но всё ещё крепкие. Страницы — толстые, пергаментные, желтоватые, испещрённые письменами, от одного вида которых у Марты перехватило дыхание. Она не умела читать, но она знала буквы, и эти буквы были не латинскими. Они были угловатыми, колючими, похожими на паучьи лапы. Красные круги, чёрные диаграммы, имена, вписанные киноварью, — имена, которых не найти в Библии.

— Господи Иисусе... — выдохнула старуха, роняя книгу на пол.

Страницы раскрылись, и из них, как показалось Марте, вырвался слабый, едва уловимый запах — не тлена, нет, но чего-то холодного, как сквозняк из склепа. Она отшатнулась, перекрестилась, но глаз от книги отвести не могла. В её сознании, искажённом горем и суевериями, мгновенно сложилась картина: вот он, ответ. Вот почему её Томми умер. Этот человек, этот проклятый книгочей, призывал духов, и духи забрали её сына. Может быть, он даже поднимал мёртвых. Может быть, он хотел поднять и Томми, но что-то пошло не так, и мальчик погиб окончательно. А может быть — и эта мысль обожгла её сильнее всего, — может быть, он сам наслал смерть на её дитя, чтобы испытать свою дьявольскую силу?

Она не помнила, как выбежала из дома. Не помнила, как бежала по размытой улице к кузнице, где ещё горел огонь. Помнила только лицо кузнеца Томаса, озарённое пламенем горна, и его голос, низкий, рокошущий:

— Ты что, Марта? На тебе лица нет.

— Там... у него... — она задыхалась, хватаясь за грудь. — Книга! Дьявольская книга! Я нашла! Он некромант, Томас! Он смерть призывал! Моего Томми... это он! Кузнец отложил молот и вытер руки о фартук. Лицо его, и без того неласковое, стало каменным.

— Покажи.

Они вернулись в дом Артура вдвоём — Томас, Марта и ещё несколько человек, которых старуха успела всполошить по дороге. Мельник Генри, тощий и нервный, прихвативший с собой дубину. Фермер Джон, молчаливый здоровяк с вечно хмурым лицом. Старый пастух Саймон, приковылявший на своих больных ногах, — скорее из любопытства, чем из праведного гнева. И Питер со своей беременной женой. Всякий, кто ещё не спал, собрался у дома на отшибе, и толпа эта, даже насчитывая всего семь человек, казалась огромной в узком пространстве единственной деревенской улицы. Книгу вынесли на свет факелов. Томас взял её

двумя пальцами, брезгливо, и раскрыл посередине. Он не был грамотным, но он видел символы и круги, и этого было довольно. Глухой, утробный ропот прошёл по толпе.

— Дьявольщина, — выдохнул мельник, пятясь.

— Это точно она, — прошамкала Марта. — Говорила я вам! Говорила!

— Что будем делать? — спросил фермер Джон, поудобнее перехватывая цеп, с которым пришёл.

Томас закрыл книгу и поднял глаза на собравшихся. В свете факелов его лицо, покрытое оспинами и сажей, казалось лицом ветхозаветного пророка.

— Ждать его, — сказал он глухо. — Он вернётся из города сегодня к ночи. И тогда — суд.

— Суд? — визгливо переспросила Марта. — Какой суд? Тащить его на виселицу, и дело с концом!

— Суд, — повторил кузнец с нажимом. — По закону. Чтобы никто потом не сказал, что мы самосуд учинили. Позовите священника.

За священником послали мальчишку — сына мельника, единственного, кого не взяли с собой к дому Артура. Преподобный Блэквуд явился через четверть часа, заспанный и недодвольный. Это был тучный человек с одутловатым лицом и маленькими, бегающими глазками. Ряса его была засалена, дыхание отдавало элем, но сан свой он носил с важностью, какая бывает только у людей, не уверенных в собственном авторитете. Он выслушал сбивчивый рассказ Марты, осмотрел книгу (держа её на вытянутых руках, словно ядовитую змею) и побледнел.

— Это... — он осёкся, прокашлялся. — Это действительно запрещённые тексты. Гримуар. Некромантия. — Он перелистнул страницу, и глаза его расширились. — Здесь формулы вызова... Господи, помилуй...

— Вы видите, святой отец? — торжествующе вскричала Марта. — Я же говорила!

Блэквуд захлопнул книгу и прижал её к груди. В его душе боролись противоречивые чувства. С одной стороны, как священник, он должен был испытывать ужас и отвращение. С другой — как человек, давно утративший веру в чудеса, он ощутил странный, жгучий интерес. Эта книга стоила денег. Она стоила власти. Если слухи о том, что в ней заключено, верны хотя бы на четверть... Но он не подал виду.

— Это тяжкий грех, — изрёк он наставительно, пряча книгу под рясу. — Я сохранию улику до суда. А вы, дети мои, дождитесь виновного. Мы разберёмся по закону.

— По закону так по закону, — кивнул Томас. — Вяжите верёвку. И готовьте костёр.

Артур вышел из леса, когда луна уже взошла — тонкий, словно надрез бритвы, серп, висящий низко над горизонтом. Деревня открылась ему с холма, россыпью тёмных домов, и первое, что он заметил, были огни. Слишком много огней для такого позднего часа. Факелы, сбившиеся в стаю у старого вяза. Их свет колебался, метался, отбрасывая на стены домов пляшущие тени. Сердце Артура пропустило удар. Он остановился, вглядываясь. Что-то случилось. Пожар? Нет, дыма не было, только свет. Праздник? Но какой праздник в будний день, ночью, в деревне, где отродясь не праздновали ничего, кроме Рождества и Пасхи? И тут он увидел верёвку. Она свисала с толстой ветви вяза, и на конце её была петля, чётко вырисовывающаяся на фоне огня.

Ноги сами понесли его вниз по склону, быстрее, чем он мог воображать. Плащ развевался за спиной, грязь летела из-под сапог. Он бежал, спотыкаясь, хватаясь за изгороди, и в голове его стучала одна мысль: «Эдвард. Где Эдвард?».

Толпа ждала его у входа в деревню. Факелы шипели, роняя капли горячей смолы в грязь. Лица, выхваченные из тьмы колеблющимся светом, были лицами людей, которых он знал годами. Томас-кузнец, держащий в одной руке молот, а в другой — свёрнутые в кольцо верёвки. Фермер Джон с цепом. Мельник Генри, нервно перебирающий пальцами. Старая Марта, чьё лицо было белее мела. Ещё несколько мужчин и женщин — все, кто жил в этом

крошечном, забытом Богом и людьми уголке. Их было чуть больше десятка — почти все взрослые души Кроуторна. Артур остановился, тяжело дыша.

— Что здесь происходит? — спросил он, хотя уже знал ответ. Знал по тому, как они смотрели на него. По тому, как Марта указывала на него скрюченным, дрожащим пальцем.

— Вот он, — проскрежетала старуха. — Некромант. Смертоубийца.

— Что? — Артур перевёл взгляд на Томаса, ища в его лице хоть проблеск разума. — Томас, объясни мне...

— Твоя книга, Мейсон, — перебил его кузнец. Голос его звучал глухо, как звук заступа по крышке гроба. — Мы нашли её. В твоём доме. Под половицей.

Кровь отхлынула от лица Артура. Он открыл рот, но слова застряли в горле.

— Это не то, что вы думаете, — выдавил он наконец. — Это... это наука. Древние трактаты. Я не причинил никому вреда!

— Наука?! — взвизгнула Марта. — Ты вызывал духов! Ты хотел поднять моего Томми из могилы! Ты осквернил погост!

— Я никогда не ходил на кладбище! — голос Артура сорвался. — Клянусь вам! Я только читал! Я изучал теорию...

— Теорию? — преподобный Блэквуд выступил вперёд, держа книгу в руках. В свете факелов его лицо лоснилось от пота. — Артур Мейсон, эта книга содержит формулы вызова нечистых духов. Она запрещена Церковью, запрещена законом и запрещена Богом. Ты знаешь, что она принадлежит тебе?

Артур смотрел на книгу — на её потемневшую кожу, медные застёжки, страницы, испещрённые его собственными пометками, — и молчал. Отрицать было бессмысленно. Они уже всё решили.

— Она моя, — сказал он тихо. — Но я не колдун. Я учёный. Я искал знание, а не силу. Я никому не сделал зла.

— Ты лжёшь! — закричала Марта. — С тех пор как ты поселился здесь, наша деревня гниёт! Сначала мой Томми, потом овцы у Джона пали, потом у Генри мельницу заклинило... Это всё ты! Ты проклял нас!

Толпа зароптала, задвигалась, смыкая ряды. Артур попятился, но сзади уже стояли люди — он был окружён.

— Послушайте, — он пытался говорить спокойно, хотя голос дрожал. — Я понимаю ваш гнев. Но книга — это просто книга. Бумага и чернила. В ней нет магии. Я могу доказать...

— Доказать? — перебил Томас, делая шаг вперёд. — Ты будешь доказывать на Суде Господнем, Мейсон. А здесь и сейчас — суд человеческий. Кто за то, чтобы признать этого человека виновным в колдовстве и осквернении земли?

Взметнулись руки — почти все. Только старый пастух Саймон колебался, да стоявшая с краю беременная женщина не подняла руки. Но их голоса ничего не решали.

— Повесить! — выкрикнул мельник.

— Повесить! — подхватили остальные.

Артур бросился вперёд, не к Томасу, а к священнику. Он схватил Блэквуда за рукав рясы, заглядывая в его бегающие глаза.

— Святой отец! Вы же человек Божий! Скажите им! Скажите, что нельзя убивать без суда! Что это грех!

Блэквуд отёрнул руку. Лицо его исказилось — не от гнева, а от страха.

— Ты сам навлёк на себя этот грех, сын мой, — пробормотал он, отводя взгляд. — Церковь не может защищать некроманта.

— Тогда защитите хотя бы мальчика! — в отчаянии крикнул Артур. — Эдварда! Он ни в чём не виновен!

При имени мальчика толпа на мгновение притихла. Кое-кто переглянулся. Но старая Марта снова взвилась, как гарпия:

— Яблоко от яблони! Щенок вырастет таким же колдуном! Его тоже надо...

— Замолчи, женщина, — оборвал её Томас, но голос его был не таким уверенным, как прежде. — С мальчишкой разберёмся позже. Сначала — отец.

Артура схватили. Двое дюжих мужчин — Джон-фермер и Генри-мельник — вывернули ему руки за спину. Он не сопротивлялся — силы были неравны. Он только смотрел на окна собственного дома, тёмные и безмолвные, и шептал:

— Эдвард... Господи, сохрани Эдварда...

Его подвели к вязу. Верёвка уже свисала, ожидая своей жертвы. Томас собственноручно затянул петлю на шее Артура — грубую, пеньковую, колючую. Артур вздрогнул, когда волокна коснулись кожи.

— Есть ли у тебя последнее слово? — спросил кузнец.

Артур обвёл взглядом толпу. Их лица, ещё недавно знакомые и даже приветливые, теперь были искажены страхом и ненавистью. Он видел Марту, дрожащую от торжества. Видел Блэквуда, прячущего глаза и книгу. Видел молодую вдову, которая беззвучно плакала, закрыв лицо руками. И он не чувствовал к ним ненависти. Только усталость. Бесконечную, чёрную усталость.

— Я не колдун, — сказал он тихо, но отчётливо. — Я только искал истину. И, видит Бог, я нашёл бы её, если бы мне дали время. — Он помолчал. — Позаботьтесь о моём сыне. Если в вас осталось хоть что-то человеческое — позаботьтесь о нём. Томас дёрнул за верёвку.

Тело Артура взмыло вверх. Верёвка натянулась, врезаясь в горло, и он захрипел, забился, ноги его заскребли воздух в поисках опоры, которой не было. Толпа ахнула — кто-то отшатнулся, кто-то, напротив, подался вперёд, заворожённый зрелищем. Марта не отводила глаз, её губы шептали молитву — или проклятие. Священник отвернулся, прижимая книгу к груди.

Агония длилась недолго. Спустя минуту, показавшуюся вечностью, тело Артура обмякло и закачалось на ветру — чёрный силуэт на фоне факелов. Он был мёртв.

Несколько мгновений стояла тишина, нарушаемая только шипением огня и всхлипами молодой вдовы. А потом толпа, ещё не насытившая свою ярость, повернула к дому на отшибе.

— Мальчишка! — закричал кто-то. — Где мальчишка?

Эдвард проснулся от криков. Он спал в своей кроватке — узкой деревянной лежанке, придвинутой к стене, — и ему снился луг, полный одуванчиков. Потом сон разбился, как глиняный горшок, упавший с полки, и мальчик открыл глаза в темноте. Снаружи доносились голоса — громкие, злые, не похожие на те, что он слышал днём. Он сел, прижимая к груди тряпичную куклу — единственную игрушку, подаренную отцом, — и стал прислушиваться.

— Где мальчишка? — голос был чужим, хриплым.

— В доме. Я видел, как он спал, когда мы уходили.

— Тащите его.

Дверь распахнулась, и в комнату ворвались тени, озарённые багровым светом факелов. Эдвард зажмурился от яркого света, вжимаясь в угол кровати. Он не понимал, что происходит. Где папа? Почему эти люди здесь? Почему они такие злые?

— Вот он, — сказал кто-то, и грубая рука схватила мальчика за плечо.

Эдвард закричал — тонко, пронзительно, как кричат дети, разбуженные кошмаром. Он звал отца. Он вырывался, но его держали крепко.

— Папа! Па-па!

Его выволокли на улицу. Холодная грязь обожгла босые ступни. Вокруг мелькали лица, искажённые пламенем, — лица людей, которых он знал. Дядя Томас, который когда-то качал его на колене. Тётя Марта, которая давала ему сладкие коренья. Дядя Генри, который научил его свистеть. Теперь они смотрели на него, как на чужого. Как на врага. И тогда он увидел

вяз. Увидел то, что качалось на его ветви. Крик застрял в горле. Разум отказывался понимать происходящее, но какой-то древний, звериный инстинкт уже всё понял. Папа больше не спустится. Папа больше не возьмёт его на руки.

— На нём печать! — завизжала Марта, указывая на мальчика. — Глядите! Он не плачет! Он проклят, как и его отец!

Эдвард действительно не плакал. Он просто смотрел — широко раскрытыми, невидящими глазами, — и молчал.

— Повесить и его, — предложил кто-то неуверенно. — Чтобы не мучился.

— Нет! — голос священника перекрыл ропот толпы. Блэквуд вышел вперёд, всё ещё прижимая книгу к груди. — Довольно крови. Одно убийство вы уже совершили — не берите на душу второе, невинное.

— Но отец...

— Отец заплатил за свой грех, — перебил священник, и голос его дрожал, но в нём появилась какая-то новая, неожиданная твёрдость. — Мальчишка изгоняется. Пусть лес его судит. Если Господь сохранит невинного — выживет. Если нет — на то воля Божья, а не наша.

Толпа колебалась. Томас, хмуро глядя на ребёнка, молчал. Наконец он сплюнул в грязь и кивнул:

— Пусть идёт. Но чтобы духу его здесь не было. Если вернётся — пеняйте на себя.

Священник, всё ещё держа книгу одной рукой, другой рукой отцепил от пояса маленький деревянный крестик и сунул его в ладошку Эдварда.

— Иди, мальчик. — сказал он тихо, и в его голосе прозвучало что-то похожее на жалость. — И не оглядывайся.

Эдвард стоял посреди улицы, босой, в одной ночной рубашке, прижимая к груди тряпичную куклу и крестик. Он не понимал, куда идти. Он не понимал, почему его выгоняют. Но он понял главное — его папы больше нет. И дом, который был его миром, больше не принадлежит ему. Он сделал шаг. Второй. Толпа расступилась, образовав коридор, ведущий к лесу. Холодная грязь чавкала под его ступнями. Ветер трепал его светлые, спутанные волосы.

— Беги, щенок, — бросил кто-то ему вслед.

Эдвард не побежал. Он пошёл — медленно, неуверенно, но не оглядываясь. У самой кромки леса он всё-таки остановился. Обернулся. Его глаза нашли чёрный силуэт, качающийся под вязом. Нашли книгу в руках священника — ту самую, которую папа иногда читал по вечерам, шевеля губами и водя пальцем по страницам. Нашли лица людей, которые ещё вчера улыбались ему, а сегодня убили его мир. А потом он повернулся и шагнул во тьму. Лес сомкнулся за ним, словно занавес sklepa.

Преподобный Блэквуд спустился в церковный подвал той же ночью, когда последние факелы погасли и деревня, измученная свершённым, погрузилась в тяжёлый, беспокойный сон.

Подвал был низким, холодным, пахнущим плесенью и старыми свечами. В углу, за старым алтарным камнем, стоял дубовый сундук, обитый железными полосами, — ровесник самой церкви, если не старше. Блэквуд отпер его ключом, который носил на поясе, и бережно, почти благоговейно, уложил книгу внутрь. Но прежде чем закрыть крышку, он помедлил. Его пальцы скользнули по страницам — по угловатым символам, красным кругам, именам, написанным киноварью. Он не мог читать эти письма. Но он чувствовал силу, исходящую от них, — ту же силу, что заставила его сегодня утром, когда он впервые увидел книгу, испытать не только ужас, но и странное, постыдное возбуждение. «Здесь заключено знание, — подумал он. — Знание, за которое люди отдавали жизнь».

Он знал, что должен сжечь книгу. Это было бы правильно. Это было бы по-христиански. Но он не мог. Что-то держало его руку. Может быть, страх, что пепел развевается по ветру и осядет на полях. А может быть — и он не признавался себе в этом, — может быть, жадность. Жадность до тайны. Он захлопнул крышку и запер замок. Ключ остался у него на поясе —

тяжёлый, холодный, как напоминание о грехе, который он только что совершил, и о том, который ещё совершит.

Выходя из церкви, он бросил взгляд в сторону леса. Где-то там, в кромешной тьме, брёл мальчик. Блэквуд перекрестился и прошептал молитву — но не за упокой души Артура, а за спасение своей собственной.

Эдвард шёл. Лес обступил его со всех сторон — чёрный, шумный, полный невидимых звуков. Ветви хлестали его по лицу, корни цеплялись за ноги, холод пробирал до костей. Он не знал, куда идёт. Он не знал, выживет ли. Но он знал одно: назад пути нет. И он шёл, прижимая к груди куклу и крестик, — маленькая фигурка, поглощённая тьмой. Где-то далеко позади, на ветру, всё ещё покачивалось тело его отца. А где-то под землёй, в дубовом сундуке, обитом железом, покоилась книга. И её страницы, словно предчувствуя долгую разлуку, едва слышно шелестели в темноте. Они дождутся. У них есть время. Время — это всё, что у них осталось.

Глава 2 Возвращение

Дождь лил третий день кряду — не тот очищающий ливень, что приходит с грозой и уходит через час, но мелкая, пронизывающая морось, сочащаяся с низкого, свинцового неба, словно влага из грязной повязки. Он пропитал всё: мох на камнях, шерсть овец, сбившихся в кучу на дальнем склоне, древесину изгородей и, казалось, сами кости тех, кто имел несчастье оказаться под открытым небом. Дороги — если эти размытые колеи можно было назвать дорогами — превратились в русла жидкой грязи, в которой вязли колёса редких телег и копыта лошадей, оставляя глубокие, тут же наполняющиеся мутной водой раны.

Эдвард шёл, подняв воротник выдавшего вида дорожного плаща, и думал о том, что ноги его промокли с самого утра, а желудок пуст вторые сутки. Плащ, когда-то добротный, тёмно-синего сукна, теперь выцвел до неопределённого серого и протёрся на плечах, обнажая нити основы. Под ним угадывалась фигура человека, привыкшего к долгим переходам: широкие плечи, но поджарое тело, без лишней плоти, — тело, которое знало голод и умело его терпеть. Лицо, обветренное и загорелое до смуглоты, казалось старше своих лет. Ему шёл двадцать первый год, но в глубоких складках у рта и в тенях под глазами читалась усталость, какой не бывает у юношей. Глаза — тёмно-карие, почти чёрные, — смотрели внимательно и настороженно, как у человека, привыкшего ждать удара из темноты. Волосы, слишком длинные и нечёсанные, спадали на лоб неровными прядями, намочая под дождём и прилипая к вискам, отчего он то и дело отбрасывал их нетерпеливым жестом.

Он не планировал сворачивать с тракта на Бирмингем. Но сначала мост через реку Тейм оказался размыт весенним паводком — опоры подгнили ещё прошлой зимой, а чинить их было некому, потому что деревни по берегам стояли полузаброшенными. Пришлось идти вброд, теряя время и силы, а после — случайная попутная телега, гружённая торфом, подобрала его у развилки и довезла до поворота, которого на его потрёпанной карте не значилось. Возница, угрюмый старик с лицом, изрезанным морщинами, как кора старого дуба, посадил его со словами: «Тут Кроуторн, парень. Дальше не еду. Если нужен ночлег — ступай в деревню, только не жди, что тебе там обрадуются. Там чужаков не любят».

Эдвард спрыгнул с телеги в грязь и проводил взглядом удаляющуюся повозку. Кроуторн. Название это ничего не говорило его рассудку — просто слово, такое же, как сотни других названий, встреченных им на дорогах. И всё же где-то глубоко внутри, под слоем лет и сознательного безразличия ко всему, что не касалось выживания, что-то слабо шевельнулось — смутное, неоформленное, похожее на движение воды в глубине замёрзшего пруда. Он отбросил это чувство, даже не заметив его толком, и вошёл в лес.

Лес этот был стар — старше любого из ныне живущих людей, старше церквей и замков, старше даже памяти о римлянах, что когда-то прокладывали здесь свои дороги. Деревья стояли, как колонны разрушенного языческого храма, вознося к небу чёрные, искривлённые ветви, с которых ещё не до конца облетела листва. Дубы и грабы, вязы и тисы — они росли так плотно, что создавали над головой сплошной полог, сквозь который даже дневной свет просачивался с трудом, превращаясь в зеленоватые, дрожащие тени на замшелой земле. Воздух был густым и влажным, пропитанным запахами прелой листвы, грибов и чего-то ещё — сладковатого, трудноуловимого, похожего на запах старых книг и ладана, смешанный с холодом камня. Тропа под ногами петляла, словно змея, уползающая в подлесок. Эдвард шёл по ней, и чем дальше углублялся в чащу, тем сильнее становилось в нём то необъяснимое, глухое беспокойство, которое он пытался игнорировать. Он не узнавал этого леса — и в то же время лес, казалось, знал его. Ветви цеплялись за рукава с настойчивостью, граничащей с намерением. Папоротники, ещё не пожухлые, но уже тронутые осенней желтизной, расступались перед ним слишком охотно, словно давая дорогу старому знакомому. Где-то вдалеке стучал дятел, и стук

этот отдавался в висках ритмичной болью, вызывая непонятное, почти забытое чувство — будто он слышал этот стук прежде, очень давно, при других обстоятельствах.

Эдвард остановился перевести дух и огляделся. Вокруг, насколько хватало глаз, простирался лабиринт стволов и теней. Туман, поднявшийся из низин, стелился между корнями, доходя до колена, и в этом тумане всё казалось неверным, смещённым. Он вдруг поймал себя на мысли, что идёт слишком уверенно для человека, никогда здесь не бывавшего. Ноги сами выбирали путь — у корявого вяза налево, мимо трухлявого пня, через овраг, где журчит невидимый ручей. Он не знал этого маршрута. И в то же время знал. Это было странно, неправильно, и он отогнал эту мысль, списав всё на инстинкт и опыт бродячей жизни.

Внезапно ветвь старого граба зацепилась за его плечо и с треском разодрала и без того ветхую ткань плаща. Эдвард чертыхнулся, отдёргивая рукав, и замер. Прямо перед ним, выступая из тумана, как немой укор, стоял старый вяз. Вернее, то, что от него осталось, — кривой, обугленный пень, обросший мхом и оплетённый плющом. Дерево было мёртвым уже много лет, но что-то в его очертаниях заставило Эдварда замедлить шаг. Сердце пропустило удар, затем забилось быстрее, нагоняя упущенное. Перед глазами, заслонив реальность, на долю мгновения мелькнуло что-то — смазанное, искажённое, словно отражение в воде, потревоженной брошенным камнем. Тени. Огонь. Смутное ощущение ужаса, которое пришло и ушло, не оставив после себя ничего, кроме холодной испарины на лбу.

Эдвард моргнул, и видение исчезло. Он стоял один, под дождём, глядя на обгорелый пень. Что это было? Усталость? Голод? Он провёл ладонью по лицу, стирая влагу — дождевую или пот, кто разберёт, — и заставил себя идти дальше. «Просто лес, — сказал он себе мысленно. — Просто старый пень. Ничего больше». Но шаг его стал быстрее, почти нервным, и он не оглядывался, пока лес не расступился.

Деревня открылась ему внезапно — словно кто-то раздвинул занавес. Кроуторн лежал в неглубокой долине, сжатый со всех сторон лесистыми холмами, словно драгоценность в оправе — но драгоценность эта была тусклой и потускневшей от времени. Эдвард ожидал увидеть обычную деревню: с дюжинами домов, с рыночной площадью, с гулом голосов. Но здесь было иначе. Он насчитал едва ли полтора десятка строений — приземистых, сложенных из грубого серого камня, с крышами из потемневшей от времени соломы. Никакой площади не было — только расширяющаяся у колодца улица, размытая до состояния густого месива, в котором перемешались грязь, солома и конский навоз. Из труб вился дым — не густой, но слабый, жиденький, какой бывает в домах, где экономят топливо. Пахло кислым торфом, мокрой овчиной и чем-то ещё — едким, металлическим, — что Эдвард не мог определить, но что вызывало в нём безотчётное, глухое отторжение.

Церковь стояла на возвышении, в самом центре деревни, — массивное здание из того же серого камня, с покосившимся шпилем, увенчанным железным крестом, проржавевшим до бурого цвета. Вокруг церкви теснились могильные камни — иные покосившиеся, иные ушедшие в землю по самую верхушку, — и все они густо поросли тёмно-зелёным мхом. Это было единственное место, которое выглядело здесь значительным, — и при этом самым мрачным. Эдвард вошёл в единственную улицу, и тишина, встретившая его, была особенной — не мирной, но гнетущей, словно деревня затаила дыхание при виде чужака. Он заметил несколько фигур, мелькнувших в окнах, — тени, тут же отпрянувшие от стёкол. Ставни на большинстве домов были прикрыты, двери плотно притворены. Здесь жило, по его прикидкам, не больше десятка-полутора душ — крошечное поселение, затерянное в глуши, о котором внешний мир, вероятно, давно забыл. Только скрип вывески на постоялом дворе — грубо намалёванный дуб и полустёртая надпись «Королевский дуб» — нарушал молчание, да откуда-то издалека доносился ритмичный, глухой стук молота по наковальне.

Он стоял посреди улицы, чувствуя, как дождь стекает по лицу, по шее, за воротник, и не мог отделаться от странного, сосущего чувства под ложечкой. Оно не было страхом — скорее,

смутным узнаванием, какое бывает, когда видишь во сне место, в котором никогда не был, а потом, годы спустя, находишь его наяву. Но Эдвард не верил в такие вещи. Он верил в голод, в холод, в тяжёлую работу и в монету, заработанную честно. Этого было достаточно. Этого всегда было достаточно.

— Эй, путник! — голос прозвучал резко, как удар хлыста. — Ты заблудился или ищешь кого?

Эдвард обернулся. На него, оперев руки в бока, смотрел мужчина лет шестидесяти, широкоплечий, с могучей грудью и руками, перевитыми узлами мышц, несмотря на возраст. Кузнец — это было ясно с первого взгляда: кожаный фартук, прожжённый в десятке мест, покрытый сажей и окалиной; лицо, изрытое морщинами, но крепкое, с тяжёлой челюстью и маленькими, глубоко посаженными глазами, в которых читалась не злоба, но врождённая, как у сторожевого пса, подозрительность ко всему чужому. Седые волосы его были коротко острижены, а на правой руке, сжимавшей молот, виднелся старый шрам, пересекавший костяшки пальцев.

Эдвард не знал этого человека. Но где-то на границе сознания, в той области, где живут забытые сны и детские страхи, что-то дрогнуло. Он отмахнулся от этого чувства, как от назойливой мухи.

— Проездом я, — ответил он охрипшим от долгого молчания голосом. — Мост размыло. Ищу ночлег и горячую пищу. Заплачу работой или монетой.

Кузнец оглядел чужака с головы до ног, медленно, оценивающе. Взгляд его задержался на стоптанных сапогах, на протёртом плаще, на мозолистых руках путника. Мозоли эти говорили о привычке к труду, и это слегка смягчило хмурое выражение лица старика.

— Работа найдётся, — буркнул он наконец, сплюнув в грязь. — Кузнечное дело знаешь?

— Довелось, — коротко ответил Эдвард.

И это было правдой. За те годы, что он провёл в скитаниях, он перепробовал многое: был батраком на фермах, грузчиком в порту, чистил конюшни и месил глину на кирпичном заводе. Но дольше всего он задержался у старого кузнеца в Нортгемптоне — угрюмого вдовца, который взял беспризорного мальчишку в ученики и не бил его чаще необходимого. Там он научился обращаться с металлом, чувствовать его — когда железо становится податливым, а когда хрупким, когда по нему нужно бить сильно, а когда лишь гладить молотом. Эти навыки не раз спасали его от голодной смерти. Томас, так звали кузнеца, хмыкнул и кивнул в сторону кузницы — приземистой каменной постройки с покосившейся трубой, из которой валил густой чёрный дым:

— Тогда пошли. Там и покормим, и на сеновале заночуешь, если работа спорится.

Они двинулись по улице — кузнец впереди, широко шагая и не оглядываясь; Эдвард за ним, стараясь не поскользнуться в грязи и одновременно оглядывая деревню. Дома, мимо которых они проходили, были старыми — много старше, чем можно было ожидать от такой глуши. Каменная кладка, почерневшая от времени, говорила о постройке вековой давности, если не старше. Кое-где на стенах виднелись выцветшие следы фресок — остатки изображений святых или гербов, почти полностью стёртых дождями и десятилетиями. У одного из домов, привалившись к стене, сидела старуха — сгорбленная, сморщенная, закутанная в чёрную шаль, несмотря на дневное время. Она подняла голову при их приближении, и Эдвард встретился с ней взглядом. Глаза у старухи были белёсые, подёрнутые катарактой, но, несмотря на слепоту, она смотрела прямо на него — и в этом взгляде было что-то такое, от чего у Эдварда пробежал холодок по спине. Старуха не сказала ни слова, только губы её беззвучно зашевелились, то ли в молитве, то ли в проклятии. Эдвард отвёл глаза и ускорил шаг, нагоняя кузнеца.

— Кто это? — спросил он, понизив голос.

— Старая Марта, — буркнул Томас, не оборачиваясь. — Не обращай внимания. Она безобидная. Почти.

Больше он ничего не добавил, а Эдвард не стал расспрашивать.

Кузница встретила их жаром и грохотом. Горн дышал огнём, мехи вздыхали, как живое существо, и в этом жаре, после холода и сырости леса, было что-то почти целительное. Эдвард сбросил плащ, повесил его на крюк у двери и остался в простой холщовой рубаше, закатав рукава до локтей. Томас снова оглядел его — теперь уже с одобрением, заметив жилистые руки и старые шрамы от ожогов, знакомые любому, кто работал с металлом.

— Лемехи куй, — сказал он, указывая на груды железных заготовок в углу. — Два плуга. И подковы — три дюжины. Управишься до темноты — ужин и ночлег. Нет — проваливай.

Эдвард кивнул и взялся за молот. Он работал молча, погружённый в монотонный, успокаивающий ритм. Молот поднимался и опускался, железо звенело, рассыпая снопы оранжевых искр, и каждая искра гасла, не долетев до пола. Жар от горна обжигал лицо, пот стекал по лбу, заливая глаза, но в этой работе было что-то медитативное, позволявшее не думать. Не думать о том, что он здесь делает. Не думать о старухе с белёсыми глазами. Не думать о странном чувстве, которое охватывало его всякий раз, когда он смотрел в сторону церкви.

Томас работал рядом, искоса поглядывая на нового подмастерье. Парень был умелым — этого не отнять. Молот держал правильно, не сжимал рукоять слишком сильно, бил точно и размеренно, не тратя лишних сил. Где-то он этому научился, и хорошо научился. И всё же было в нём что-то такое... неправильное. Не то чтобы он выглядел опасным. Но он был чужим. Слишком тихим, слишком сосредоточенным, слишком внимательным. И глаза — тёмные, глубокие, как омут, — смотрели так, будто видели то, чего не видели другие.

В полдень дверь кузницы отворилась, впуская полосу серого дневного света и порыв влажного ветра. Эдвард поднял голову и замер. В дверях стояла девушка.

Она была невысока, но держалась с той естественной грацией, какая бывает у тех, кто вырос среди полей и холмов, а не в душных городских стенах. Волосы её, цвета тёмного мёда с золотистым отливом, выбивались из-под белого чепца непослушными прядями, обрамляя лицо, которое даже в этом скудном освещении казалось удивительно живым. Глаза — серые, как грозовое небо над морем, — смотрели с любопытством, но без дерзости, а на щеках, тронутых лёгким румянцем, играли ямочки, когда она улыбалась. Одета она была просто — в тёмно-зелёное шерстяное платье, поверх которого был повязан белый передник, — но простота эта лишь подчёркивала её юность и свежесть. В руках она держала корзину, прикрытую чистым полотенцем, из-под которого выглядывал край хлебной краюхи и горлышко кувшина с молоком.

Эдвард смотрел на неё и чувствовал, как что-то внутри него — что-то давно замёрзшее, спавшее летаргическим сном, — слабо шевельнулось. Он не мог бы объяснить этого чувства. Она была просто девушкой. Но в том, как она стояла в дверях, освещённая сзади тусклым дневным светом, в том, как она улыбалась, в том, как она перевела взгляд с кузнеца на него — во всём этом было что-то, от чего его сердце, привыкшее к одиночеству, забилось чуть быстрее.

— Дядюшка Томас, — сказала она мягким, певучим голосом, в котором слышался местный выговор, тягучий и округлый, — я принесла вам хлеба и сыру. Матушка сказала, вы с утра не ели. Она беспокоится, что вы опять работаете на пустой желудок.

Томас, не отрываясь от наковальни, проворчал что-то неразборчивое — не то благодарность, не то упрёк. Девушка, очевидно привыкшая к его манерам, только улыбнулась. Она шагнула внутрь, и тут её взгляд упал на Эдварда.

— О! — она слегка покраснела, прижимая корзину к груди, словно щит. — Простите, я не знала, что у вас гость.

— Это не гость, племянница, а работник на сегодня, — буркнул кузнец, наконец откладывая молот. — Звать его... э-э... — он запнулся, сообразив, что так и не спросил имени чужака.

— Эдвард, — сказал тот хриловатым голосом, слегка поклонившись. — Благодарю за хлеб, мисс.

— Мисс Элизабет, — поправила она с улыбкой. — Но все здесь зовут меня просто Бет. И вы зовите, если останетесь.

Она протянула ему краюху хлеба и кусок сыра, завернутый в чистую тряпицу. Их пальцы на мгновение соприкоснулись. Эдвард почувствовал тепло её кожи — мягкой, несмотря на крестьянский труд, — и по его руке словно пробежал электрический разряд. Он вздрогнул — едва заметно, но она, кажется, заметила, потому что её румянец стал чуть ярче. Она быстро отдернула руку и опустила глаза.

— Благодарю, Бет, — сказал он тихо, и звук её имени на его губах прозвучал как-то особенно бережно.

Их глаза встретились — и время словно замедлило ход. Элизабет смотрела на этого незнакомца. В его лице было что-то, что тревожило и притягивало одновременно. Не красота — черты его были слишком резкими, измождёнными, чтобы назвать их красивыми. Но в тёмных глазах читалась глубина, которой она не видела ни у кого из деревенских, — словно он носил в себе историю, которой ни с кем не делился. Ей вдруг захотелось узнать эту историю. И вместе с тем ей стало немного страшно от этого желания.

— Ты, стало быть, издалека? — спросила она, замешкавшись у двери, хотя дядя уже снова взялся за молот.

— Издалека, — ответил Эдвард, и это был самый короткий ответ, какой он мог дать, не солгав.

— И куда путь держишь?

— В Бирмингем, — он помедлил. — Пока что.

Она кивнула, словно поняла что-то, чего он не говорил.

— Ну, удачи тебе, Эдвард, — сказала она и повернулась к двери. Но у самого порога она оглянулась и добавила: — Если останешься до вечера, я принесу ещё хлеба. Ты, похоже, давно не ел досыта. И ушла, оставив после себя лёгкий запах лаванды и свежего хлеба, который ещё несколько минут висел в воздухе, смешиваясь с запахом угля и раскалённого металла. Эдвард проводил её взглядом, чувствуя, как что-то давно забытое — что-то, что он не мог назвать, — медленно, неуверенно пробуждается в груди.

— Хорошая девушка, — сказал Томас, не то обращаясь к Эдварду, не то к самому себе. — Сирота. Отец умер, когда ей было пять. Мать — моя сестра — одна её растит. Здесь, кроме нас, и людей-то почти не осталось. Десяток душ, не больше. Ты на неё не заглядывайся, парень. Не пара она бродяге.

Эдвард ничего не ответил. Он взялся за молот и продолжил работу, но мысли его теперь витали далеко от наковальни.

Вечер опускался на Кроуторн медленно, словно нехотя. Дождь наконец прекратился, но небо оставалось затянутым тучами, и сумерки сгустились раньше обычного. Эдвард закончил работу, когда последний отблеск дня погас за холмами. Руки его гудели от усталости, спина ныла, но это была хорошая, честная усталость — знакомая и почти приятная. Кузнец осмотрел его работу, хмыкнул одобрительно и, как обещал, выделил ему место на сеновале — узкую лежанку в углу, пахнущую сухим сеном и мышами, но сухую и тёплую.

— Утром продолжим, — сказал он на прощанье. — Если хочешь остаться на пару дней — работы много. Других кузнецов в округе нет, так что заказы копятся.

Эдвард кивнул. У него не было причин торопиться в Бирмингем. Что его там ждало? Случайные заработки, грязные ночлежки, одиночество. Здесь же, в этой мрачной, неприветливой деревушке, где жило не больше полутора десятков душ, его держало что-то, чему он не мог дать названия. Может быть, просто усталость от дороги. А может быть, что-то иное — смутное, как полусон, что-то связанное с запахом, тянущимся от церкви, и с серыми глазами девушки, которая обещала принести ещё хлеба.

Он лёг на сено, укрылся плащом и закрыл глаза. Но сон не шёл. Слишком тихо было вокруг — не той тишиной, какая бывает в полях, где всегда есть какой-то звук: ветер, сверчки, далёкий лай собак. Здесь тишина была иной — плотной, густой, как вода на дне колодца, и такой же холодной. И в этой тишине он начал различать звуки. Шаги. Кто-то ходил по улице — медленно, тяжело, волоча ноги. Шаги приближались к амбару, замирали на мгновение, затем удалялись. Так повторялось снова и снова, с ритмичностью маятника. Эдвард лежал, затаив дыхание, и вслушивался. Кто мог бродить по деревне в такой час? В такой маленькой деревне, где все друг друга знают? Караульный? Но кто поставит караульного в этой глуши, где красть нечего, а чужаки не забредают годами? Лунатик? Или кто-то, кому, как и ему, не спалось этой ночью? Шаги затихли. И тогда он услышал другой звук — шёпот. Не голоса — шёпот страниц. Словно кто-то листал огромную книгу, медленно, задумчиво переворачивая тяжёлые пергаментные листы. Звук доносился со стороны церкви, и он был таким явственным, что Эдвард сел на лежанке, вглядываясь в темноту широко раскрытыми глазами. Сон? Нет, он не спал. Он был уверен в этом. Звук повторился — сухой шелест, похожий на вздох. И вместе с ним пришёл запах — тот самый, что он чувствовал днём: запах старой кожи, плесени и ладана, смешанный с чем-то металлическим, похожим на запах старых монет. Запах этот тянулся от церкви, просачиваясь сквозь щели в стенах амбара, и, казалось, звал его — не словами, но настойчивым, почти гипнотическим притяжением. Эдвард встал, накинул плащ и вышел наружу.

Ночь была беззвёздной, луна скрывалась за тучами, но каким-то чудом света хватало, чтобы различать очертания домов и деревьев. Туман снова поднялся из низин — он клубился над землёй, доходя до пояса, и в этом тумане всё казалось призрачным, колеблющимся, ненастоящим. Эдвард медленно двинулся к церкви, сам не понимая, зачем. Какая-то сила тянула его туда — не приказывая, но настойчиво предлагая, как предлагает рука старого друга, с которым ты давно не виделся.

Церковь выросла перед ним из тумана, словно чёрный корабль из волн. Массивная, приземистая, с узкими окнами, похожими на бойницы. Дверь была заперта — тяжёлый железный засов, покрытый ржавчиной, — но сбоку, почти у самой земли, виднелось подвальное окошко, зарешечённое и наполовину ушедшее в землю. Именно оттуда, из этой тёмной щели, тянулся запах, который он чувствовал. Именно оттуда доносился шёпот, который не мог быть ничем иным, кроме как игрой воображения. Эдвард опустился на колени перед окошком и заглянул внутрь. Темнота — кремешная, абсолютная, какую не рассеивает даже самый острый взгляд. Но в этой темноте что-то двигалось — не человек, не зверь, а что-то иное. Тени, чёрные на чёрном, скользили внутри, переплетаясь и распадаясь, и на мгновение ему показалось, что он видит очертания предмета — большого, прямоугольного, лежащего на полу. Сундук? Или алтарь?

И вдруг — тишина. Шёпот прекратился. Запах исчез, словно его отрезало ножом. Эдвард замер, прислушиваясь, но не услышал ничего, кроме собственного дыхания, учатившегося и ставшего поверхностным. Он простоял так несколько минут, а затем медленно поднялся с колен, чувствуя, как холод от мокрой земли пропитал ткань его штанов до самых костей.

Что это было? Галлюцинация, порождённая усталостью? Или что-то, чего он не мог объяснить, во что не мог поверить? Эдвард не верил в сверхъестественное. Он верил в то, что можно потрогать руками. Но сейчас, стоя перед церковью, он не мог отделаться от ощущения, что его коснулось что-то, что лежит за пределами его понимания.

— Эдвард? — голос, прозвучавший за спиной, был реальным, живым, и принадлежал не призраку.

Он резко обернулся. У ворот погоста стояла Элизабет. Она была закутана в тёмную шаль, поверх ночной рубашки, и в слабом свете, который неведомо откуда пробивался сквозь разрыв в тучах, казалась бледной и встревоженной. Волосы её, распущенные на ночь, спадали на

плечи золотистой волной, и в этом призрачном полумраке она выглядела не просто красивой — неземной, словно дух, вышедший из леса проверить, не заблудился ли путник.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она тихо, подходя ближе. — Я увидела свет... то есть, мне показалось... Я не могла уснуть и увидела, как ты вышел из амбара. Я испугалась. Подумала, вдруг тебе плохо, вдруг ты болен...

Он смотрел на неё и не знал, что ответить. Лгать не хотелось — ей особенно. Но как сказать правду? «Меня что-то позвало сюда, какой-то запах, какой-то шёпот»? Она сочтёт его безумцем. Или, хуже того, расскажет дяде, и его выгонят из деревни, прежде чем он успеет понять, что всё это значит.

— Я просто не мог уснуть, — сказал он наконец. — Решил прогуляться. Здесь... спокойно.

— На кладбище? — в её голосе прозвучала грустная ирония, уголки губ дрогнули в слабой улыбке. — Ты странный человек, Эдвард.

— Знаю, — он позволил себе ответную улыбку, такую же слабую.

Она стояла перед ним, кутаясь в шаль, и смотрела на него долгим, изучающим взглядом. Ей было страшно — он видел это по её глазам, по тому, как она покусывала нижнюю губу. Но не его она боялась. Чего-то другого.

— Ты почувствовал это, да? — внезапно спросила она совсем тихо, почти шёпотом, и слова её заставили его замереть. — Этот запах... оттуда, из подвала. Я тоже иногда чувствую. По ночам особенно. Старый священник, преподобный Блэквуд, говорит, что это сырость и плесень, что там старые книги гниют. Но я знаю — это не просто сырость. Там что-то спрятано. Что-то, что принадлежало человеку, который умер очень давно, ещё до моего рождения. Его убили здесь.

Эдвард слушал, не перебивая. Голос её доносился до него словно сквозь толщу воды.

— Расскажи мне, — попросил он, и голос его прозвучал глухо, как из-под земли. — Что ты знаешь?

Элизабет вздохнула и оглянулась, словно боясь, что их подслушивают. Но вокруг были только могилы и деревья, и ни одна живая душа не бродила по деревне в этот час — в деревне, где душ-то всего ничего.

— Я знаю только то, что старухи шепчутся на посиделках, — начала она быстро и сбивчиво, словно боясь, что не успеет высказаться. — Мужчина. Он жил здесь, на окраине, в доме, который уже давно заброшен. Говорили, он был учёным, читал странные книги, знал вещи, которых простым людям знать не положено. Кто-то сказал — колдун. Кто-то — некромант, будто бы он с мёртвыми разговаривал. Правда это или нет, никто уже не помнит. Но его убили. Прямо там, у старого вяза. — Она указала рукой в сторону околицы, туда, где Эдвард днём видел обугленный пенёк. — А книгу его священник спрятал в подвале, сказал, что нельзя её жечь, что от этого беда будет. И с тех пор она там. Я иногда думаю — может, из-за неё в деревне всё так плохо? Может, она проклята?

Она замолчала, переводя дыхание. Эдвард слушал, и каждое её слово отдавалось в нём странным, болезненным эхом — словно колокол звонил где-то далеко, и звук этот долетал до него, проходя сквозь толщу лет. Он не помнил этой истории. Не помнил ни мужчины, ни книги, ни старого вяза. Но что-то внутри него — что-то глубже памяти, глубже сознания — откликалось на эти слова с мучительной, необъяснимой остротой.

— А мальчик? — спросил он тихо, сам не зная, почему задаёт этот вопрос. — У этого человека был сын. Что с ним стало?

Элизабет опустила глаза, и в этом жесте было столько печали, что у Эдварда сжалось сердце.

— Говорят, его изгнали в лес, — сказала она. — В ту же ночь. Его больше никто не видел. — Она подняла взгляд на Эдварда, и в этом взгляде читалась глубокая, искренняя скорбь. —

Мой отец... он тоже был там. В ту ночь. Он никогда не говорил мне об этом — да он вообще мало говорил, — но мать рассказывала, что после этого он пил, не просыхая, год за годом, пока не умер. Он не поднимал руку на того человека, но он стоял и смотрел. И это его убило — не сразу, но убило.

Эдвард молчал. В висках у него стучало, перед глазами плыл туман, но не тот, что клубился над землёй, а внутренний, застилающий мысли. Он попытался представить себе этого мальчика — босого, испуганного, уходящего в темноту, — и не смог. Что-то мешало ему, какая-то стена в сознании, которую он сам выстроил когда-то давно, с кирпичами забвения и раствором воли.

— Мне жаль, — прошептал он, не зная, что ещё сказать.

— Мне тоже, — ответила она. — За всех нас.

Они стояли среди могил, под светом луны, которая наконец выплыла из-за туч, заливая кладбище серебристым сиянием. И в этом свете Эдвард увидел слёзы на её щеках — беззвучные, светлые, как капли дождя. Он протянул руку и, сам не зная зачем, коснулся её лица, стирая влагу большим пальцем. Она не отстранилась. Напротив, она на мгновение прикрыла глаза, словно принимая это прикосновение как что-то, чего давно ждала.

— Я провожу тебя до дома, — сказал он. — Уже поздно.

Она кивнула, и они медленно пошли прочь от церкви, мимо покосившихся надгробий, мимо старого тиса, чьи ветви чернели на фоне неба, как скелет гигантской руки. У дверей её дома — маленького, но ухоженного, с горшком сухой лаванды на окне, — она остановилась и повернулась к нему.

— Ты завтра уйдёшь? — спросила она, и в её голосе Эдварду почудилось что-то похожее на надежду, тщательно скрываемую за простотой тона.

Он задумался. У него не было причин оставаться. И не было причин уходить.

— Нет, — ответил он, и это слово прозвучало как обещание, которое он сам ещё не до конца понимал. — Я останусь.

Она улыбнулась — робкой, неуверенной улыбкой, — и скрылась за дверью. Эдвард остался стоять на улице, глядя на закрытую дверь. В его сердце, впервые за долгие годы, боролись два чувства: глухое, смутное беспокойство, связанное с этой деревней, и неожиданное, тёплое чувство к девушке, которую он знал всего один день.

Он повернулся и пошёл обратно к амбару. Проходя мимо церкви, он замедлил шаг. Окно подвала всё так же чернело, но теперь от него не доносилось ни звука, ни запаха. Церковь молчала, храня свою тайну. Эдвард постоял мгновение, вглядываясь в темноту, и пошёл дальше. Он не знал, что в подвале, в дубовом сундуке, обитом железными полосами, покоится книга. Книга, которую он когда-то видел — в другой жизни, которую он забыл. Книга, которая ждала его шестнадцать лет. И этой ночью она снова зашелестела страницами — едва слышно, словно вздохнув с облегчением. Наследник вернулся. Даже если он сам об этом ещё не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.